

образом, стоит признать, что сведения, изложенные в работах К. Коппманна, являются более объективными, поскольку он непосредственно работал с ганзейскими источниками: занимался их обработкой и публикацией в различных многотомных изданиях [15, с. 579]. Кроме того, изложенные им положения до сих пор встречаются в современной историографии [9, р. 57; 19, с. 19–20].

1. Рыбина, Е. А. Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
2. Die Grafschaft und freie Reichsstadt Dortmund – Ab. 1. Bd. 2. – Köln ; Bonn : verlag von J. M. Heberle, 1855. – 471 s.
3. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. – Ab. 1. Bd. 1. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1870. – 559 s.
4. Lübeckisches Urkundenbuch. – Bd. 1. – Lübeck : Friedrich Aafchenfeldt, 1843. – 767 s.
5. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 2. – 762 s.
6. Dollinger, P. Die Hanse / P. Dollinger. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2012. – 656 s.
7. Friedland, K. Vom sittlichen Wert geschichtlicher Erkenntnis. Georg Sartorius'Werk über den Hanseatischen Bund / K. Friedland // Hansische Geschichtsblätter. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1998. – Bd. 116. – S. 117–136.
8. Hammel-Kiesow, R. Die Hanse / R. Hammel-Kiesow. – München : C. H. Beck Verlag, 2000. – 128 s.
9. Hammel-Kiesow, R. The Early Hansas / R. Hammel-Kiesow // A Companion to the Hanseatic League. – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – P. 15–63.
10. Hardung, V. E. Die Entstehung des hansischen Comptoirs zu Brügge / V. E. Hardung // Historische Zeitschrift. – München : R. Oldenbourg, 1872. – Bd. 28. – S. 296–366.
11. Jahnke, C. Handelsstrukturen im Ostseeraum im 12. und beginnenden 13. Jahrhundert. Ansätze einer Neubewertung / C. Jahnke // Hansische Geschichtsblätter. – Trier : Porta Alba Verlag, 2008. – Bd. 126. – S. 145–186.
12. Jahnke, C. „Homines imperii“ und „osterlinge“. Selbst- und Fremdbeziehungen hansischer Kaufleute im Ausland am Beispiel Englands, Flanderns und des Ostseeraumes im 12. und 13. Jahrhundert / C. Jahnke // Hansische Geschichtsblätter. – Trier : Porta Alba, 2011. – Bd. 129. – S. 1–57.
13. Koppmann, K. Vom Kontor zu Brügge / K. Koppmann // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1872. – Bd. 2. – S. 77–89.
14. Koppmann, K. Zur Geschichtschreibung der Hansestädte / K. Koppmann // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1871. – Bd. 1. – S. 57–84.
15. Postel, R. Koppmann Karl / R. Postel // Neue Deutsche Biographie. – Berlin : Duncker & Humblot, 1980. – Bd. 12. – S. 578–579.
16. Sartorius, G. F. Geschichte des Hanseatischen Bundes / G. F. Sartorius. – Göttingen : H. Dieterich, 1802. – Bd. 1. – 478 s.
17. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 1. – 314 s.
18. Schlüter, W. Zur Geschichte der Deutschen auf Gotland / W. Schlüter // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1909. – Bd. 36. – S. 455–474.
19. Schubert, E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse / E. Schubert // Concilium medii aevi. – 2002. – Bd. 5. – S. 1–50.

Гришина Н.В.

БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИКОВ¹

Диссертация является важным историографическим источником, характеризующим состояние науки на определенный момент времени. Защита диссертации является результирующим актом подготовки соискателя ученой степени к научной деятельности или фиксирует его готовность продуцировать научные результаты продвинутого уровня. Российская диссертационная культура, охватывающая период с начала XIX в. до сегодняшнего времени, позволяет оценивать ее как особый феномен поля науки. Подчеркнем, что в ее развитии были весьма болезненные сломы и трансформации (отмена ученых степеней и званий в 1918 г., поиски новой модели присуждения ученых степеней в начале 1930-х гг., перманентное обсуждение оптимального количества ученых степеней и т.д.), что позволяет отдельно рассматривать определенные этапы в развитии диссертационной культуры.

Учитывая, что подготовка и защита диссертации строго регламентирована, и каждый претендент проходит схожие процедурные этапы, диссертация может быть отнесена к массовому типу историографических источников. Информационный потенциал диссертаций как источника весьма разнообразен. Помимо содержательных аспектов конкретной темы исследования, диссертацию можно атрибутировать по широкому спектру вопросов, затрагивающих просопографические характеристики сообщества историков, особенности диссертационной культуры конкретной эпохи, эволюцию рубрикации перечня научных специальностей. Одним из инструментов анализа таких массовых источников является метод баз данных, позволяющий делать количественные оценки внутри изучаемой совокупности объектов. Элементы такого цифрового подхода к историографии, но на других типах историографических источников ранее уже был реализованы в работах И. М. Гарсковой [4], Ю. Ю. Юмашевой [13].

В 2011–2018 гг. в рамках изучения диссертационной культуры дореволюционной России авторским коллективом (Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина, А. М. Скворцов, О. В. Выдрин) была разработана база

¹ Доклад подготовлен при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00557: «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

данных «Диссертанты-историки и их диссертации. 1813–1919 гг.», позволяющая решать одновременно задачи как просопографического, так и библиографического характера. Основным источником для нее стал указатель Г. Г. Кричевского «Диссертации университетов России. 1805–1919 гг.» [12]. Однако включаемая в базу данных информация уточнялась и пополнялась за счет привлечения дополнительных архивных материалов. База содержит 409 записей, для анализа которых был разработан 31 атрибут, в том числе: связанные с личностью диссертанта (ФИО, происхождение, образование и т. д.), связанные с диссертацией (тема, проблематика, соответствие современной номенклатуре, хронология, степень, объем и т. д.), связанные с обстоятельством защиты (дата защиты, место защиты, оппоненты и т. д.). Результаты данного исследования позволили сформировать коллективный портрет дореволюционных историков России – соискателей ученых степеней, выявить важнейшие элементы диссертационной культуры, описать систему межличностных и институциональных связей в науке и др. Итоговый анализ материала базы данных был презентован научному сообществу в коллективной монографии, опубликованной в 2022 г. [7, с. 93–134].

Зафиксированный разрыв в национальной диссертационной культуре, который пришелся на 1920-е гг., закончился восстановлением системы присуждения ученых степеней в начале 1930-х гг. Условия развития раннесоветской науки и ее взаимодействие с властью повлияли на внутреннее содержание диссертационной системы. Относительно цельный период в ее развитии пришелся на 1930-е – первую половину 1950-х гг. В целях понимания советской диссертационной культуры указанного времени, а также ее сопоставления с предыдущим этапом присуждения ученых степеней был инициирован проект базы данных советских историков указанного времени.

Одной из существенных проблем реализации данного проекта является изменение масштаба изучаемого явления. Так, только по диссертациям, защищенным в Московском и Ленинградском университетах, и только за период с 1934 по 1954 гг. база уже содержит 1049 записей, каждая из которых требует проработки на основе архивных материалов.

Существенно изменилась источниковая основа для формирования базы данных. Существенным подспорьем стали библиографические указатели защищенных диссертаций, подготовленные несколькими университетами страны [1; 5; 6; 8; 9], а также по некоторым кратким периодам Всесоюзной книжной палатой и Государственной библиотекой имени Ленина [2; 3; 10; 11]. Часть данных была собрана с помощью электронного каталога диссертаций и авторефератов Российской государственной библиотеки (<https://search.rsl.ru/>), которая, как известно, стала основным хранилищем диссертаций с 1945 года.

База данных о диссертациях советских историков 1930 – первой половины 1950-х гг. включает следующие переменные: 1) О диссертантах: Фамилия, имя, отчество соискателя; Пол; Ученая степень; Место защиты; Структура, которую представлял соискатель (аффилиация). 2) О диссертациях: Название диссертации; Дата защиты, десятилетие защиты; Научный разряд / проблематика; Объем диссертации; Научный руководитель; Оппоненты. Кроме того, в базу данных включены аналитические переменные, связанные с проблемно-тематическим распределением диссертаций. Для ряда диссертаций удалось выявить информацию о научном руководителе, что дает основание для наблюдения за складыванием отношений учитель-ученик, выявлением наиболее продуктивных руководителей. Данные об оппонентах (официальных и неофициальных) позволяют погрузиться в атмосферу собственно диспута, реконструировать активность оппонентов, оценить работу советов по присуждению ученых степеней.

Таким образом, базы данных как источник не только агрегируют разрозненный материал о защитах диссертаций, но и позволяют через применение методов цифрового анализа получить новые выводы о развитии сообщества историков. Кроме того, они актуализируют значение и эвристический потенциал библиографических указателей как исторического источника.

1. Библиография диссертаций, защищенных в Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева за 1935–1952 гг. / сост. Н. Н. Аксенова; отв. ред. А. Р. Ананьев. – Томск, 1955.
2. Библиография диссертаций. Докторские диссертации за 1941–1944 гг. Вып. 1. / сост. М. С. Воинов. – Москва, 1946. – 182 с.
3. Библиография диссертаций. Докторские диссертации за 1945 год. Вып. 2. / сост. М. С. Воинов. – Москва, 1947. – 103 с.
4. Гарскова, И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях / И. М. Гарскова. – Москва : МГУ, 1994. – 214 с.
5. Диссертации, защищенные в Казанского государственном университете. Библиографический указатель. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1960.
6. Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А. А. Жданова, 1934–1954 гг.: библиографический указатель. – Ленинград, 1955. – 255 с.
7. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2022. – 464 с.
8. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Ереванском государственном университете с 1938 по 1969 гг. – Ереван : Изд-во Ереванского университета, 1969.

9. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. Библиографический указатель. Выпуск третий. Факультеты: Исторический, Филологический и Факультет журналистики. – Москва : Изд-во Московского университета, 1960. – 203 с.
10. Ежегодник диссертаций. 1936 год. Год издания 1-й. – Москва, 1938.
11. Ежегодник диссертаций. 1937 год. Год издания 2-й. – Москва, 1940.
12. Кричевский, Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918) : справочное пособие / Г. Г. Кричевский ; составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2004. – 342 с.
13. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 95–127.

Алеврас Н.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ МОТИВЫ ДИССЕРТАЦИЙ ИСТОРИКОВ 1940-Х ГОДОВ: ИЗ ОПЫТА ИХ ЗАЩИТ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

Формирование советской диссертационной системы, несмотря на драматизм социокультурной и общественно-политической ситуации в России первой половины XX века, содействовало актуализации источниковедческих обоснований проблематики защищаемых диссертаций. Они могли иметь выраженный и осознаваемый диссертантами и их оппонентами характер, или проявляться в несколько латентной форме. Без сомнения, в этот период вопросы, связанные с подготовкой текстов диссертаций не мыслились вне проблем опоры защищаемых исследований на источниковую базу как доказательную систему их научной состоятельности. Но с учетом различий в уровнях научных квалификаций представителей сообщества ученых этого времени каждая диссертационная история получала собственное источниковедческое выражение.

С позиций классики источниковедческого подхода значимыми фактами исторической науки стали докторские диссертации М.Д. Приселкова и А.И. Андреева, защищенные соответственно в 1939 г. (ЛГУ) и 1940 г. (Институт истории РАН). Их авторы, опираясь на традиции своих дореволюционных учителей, заложили некий канон современного им источниковедческого исследования [1, с. 205–207].

В поле зрения предлагаемого сюжета являются диссертанты, представлявшие на фоне ученых «старой школы» молодое поколение советских историков – В.В. Мавродин (1940), А.В. Эммаусский (1941), С.Л. Пештич (1944)². Из них лишь работу Пештича можно рассматривать как задуманную в рамках источниковедческой парадигмы, хотя она оказалась на стыке источниковедческой и историографической проблематики. Две первые из названных работ по тематике являлись конкретно-историческими исследованиями, но получили все же специфическую источниковедческую подоплеку.

Докторская диссертация 32-летнего Мавродина [2] была им представлена в виде рукописи объемом в 736 с. [7, л. 9]³ и тезисов к диссертации [3, с. 1–15]. Автор акцентировал внимание на использовании им «малоизвестных» и «малоизученных письменных источников», но конкретно не обозначил их [2, с. 1–2]. Свой подход он рассматривал в качестве обоснования поисков новых ракурсов в изучаемой проблематике. Акцентируя в тексте работы факт «преобладающего» использования им археологического и лингвистического «материала» [2, с. 2], в тезисах он рассматривал его лишь как «подспорье к историческому документу» [3, с. 2]. Целенаправленно демонстрируя свой интерес и к памятникам III–II тыс. до н. эры, и к культурам «полей погребальных урн» I–V вв. н. эры [3, с. 4–5], прежде чем выйти к периоду русского средневековья, обеспеченному уже письменными источниками (летописями, в первую очередь), Мавродин так и не прояснил круг видов используемых «вещественных» и письменных источников. Нельзя не заметить и того, что в его диссертации преобладали ссылки на исследования, а не на источники [2, по тексту].

Из трех оппонентов Мавродина – профессоров И.И. Яковкина, Б.Д. Грекова, В.И. Равдоникаса – отзыв последнего отличался критическими источниковедческими акцентами [7, л. 28–37 об.].

Поскольку диссертант вел исследование с «древнейших времен» и не раз ссылаясь на вещественные памятники, постольку опытный археолог Равдоникас, апеллируя к периодам палеолита, неолита, мезолита, обнаружил немало пробелов диссертанта в знании и древней природно-географической ситуации изучаемой территории, и особенностей её археологических памятников. Апелляция диссертанта к понятию «древнейшие времена», считал оппонент, налагала на него «ответственность» быть сведущим в проблемах изучения древней истории племен левобережья Украины, учитывать специфику археологических памятников и выводов археологов. Оппонент упрекнул

¹ Выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00557.

² В скобках обозначены годы защит диссертаций.

³ Подчеркну: тексты рукописей диссертаций не входили в состав дел по их защитах. В данном архивном деле имеются отзывы оппонентов, но нет обязательной стенограммы защиты, что не дает возможности в точности воспроизвести позиции диссертанта и **всех** участников дискуссии.